

Владиславъ Гумпловичъ.

Бракъ и свободная любовь.

Переводъ съ нѣмецкаго.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1907.

Предисловіе ко второму изданію.

Предлагаемое изданіе въ двухъ мѣстахъ значительно дополнено. Въ одномъ дополненіи изложены мои взгляды на коллективизмъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Это изложеніе никоимъ образомъ не означаетъ перемѣны моихъ воззрѣній; скорѣе рѣчь идетъ о проведеніи моихъ идей въ томъ порядкѣ, какой представлялся мнѣ, когда я писалъ первое изданіе, но котораго я въ то время не могъ выполнить отчасти по недостатку времени, отчасти въ виду ограниченности мѣста въ изданіи.

Другое дополненіе, касающееся такъ называемыхъ «прирожденныхъ проститутокъ», направлено противъ моднаго смѣшенія понятій, отъ котораго не свободны даже социалисты.

Если эта брошюра будетъ прочтена и вызоветъ возраженія, то она достигнетъ своей цѣли.

Владиславъ Гумпловичъ.

I.

СОЦІАЛИЗМЪ и БРАКЪ.

Соціализмъ можетъ съ легкимъ сердцемъ предоставить небо богословамъ, вещь въ себѣ — метафизикамъ. Но по отношенію ко всѣмъ основнымъ вопросамъ реального человѣческаго бытія онъ долженъ занять такое положеніе, чтобы быть цѣльнымъ, мощнымъ, внутренне побѣдоноснымъ, а потому также и внѣшне привлекающимъ къ себѣ міровоззрѣніемъ, чтобы вполне вознаградить своихъ послѣдователей за все сокроище традицій, которое они отбросили. Это относится также къ проблемѣ половой любви и къ измѣнчивымъ соціальнымъ формамъ, при которыхъ она проявляется. Но мы не можемъ довольствоваться повтореніемъ всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ вещей, которыя въ продолженіе болѣе столѣтій писались на эту тему старыми и новыми соціалистами, и не можемъ признать ихъ непогрѣшимыми. Напротивъ, и въ этой области необходимъ періодическій пересмотръ духовнаго

достоянія. Послѣдующія строки будутъ нечѣмъ инымъ, какъ предварительнымъ поощреніемъ къ такому пересмотру.

Въ томъ обществѣ, въ которомъ мы живемъ и изъ котораго мы стремимся уйти, единственной официально дозволенной формой полового общенія считается бракъ. При этомъ безразлично — будетъ ли это церковный бракъ по католическому, евангелическому или еврейскому обряду, или просто гражданскій бракъ, вездѣ рѣчь идетъ обязательно о моногамномъ бракѣ, который первоначально предполагается нерасторжимымъ. Еще даже и теперь разводъ съ послѣдующимъ вступленіемъ въ новый бракъ частью вообще не допускается, частью же его терпятъ, какъ неизбежное зло, въ возможно меньшемъ количествѣ, съ разными прямо придиравивыми затрудненіями. Мы всѣ чувствуемъ, что здѣсь устарѣлые законы и нравы растаптываютъ въ зародышѣ тысячи возможностей счастья, противъ которыхъ наше современное чувство справедливости ничего не можетъ возразить; что эти законы и нравы создаютъ тысячи мукъ, для которыхъ наше чувство справедливости не знаетъ оправданія; и всѣ мы чувствуемъ, что мы причастны несправедливости, которой мы могли бы препятствовать, и которой мы не препятствуемъ. Но точно

такъ же, какъ и процессы о вѣдьмахъ, къ удовольствію Штекеровъ, Греберовъ и Ререновъ, продолжали процвѣтать еще долго послѣ того, какъ благоразумные давно признали, что тамъ мучили и убивали невинныхъ, такъ и теперь равнодушіе, трусость и подлое ханжество удлиняютъ срокъ существованія варварства, давно признаннаго бессмысленнымъ.

Но борьбу съ этимъ варварствомъ и проявленіе болѣе человѣчнаго взгляда значительно затрудняетъ то, что традиціонный бракъ основывается на сплетеніи двухъ совершенно различно разсматриваемыхъ институтовъ и что это сплетеніе лишь немногими вполнѣ ясно сознается. Традиціонный бракъ содержитъ какъ бы два отвѣта на два весьма различные вопроса. Одинъ вопросъ гласитъ: «При какихъ условіяхъ можетъ считаться нравственнымъ половое общеніе между мужчиной и женщиной?» Сторонники брака отвѣчаютъ на это: «Если у нихъ есть вѣнчальная метрика, то союзъ нравствененъ. Если же у нихъ нѣтъ вѣнчальной метрики, и они дѣлаютъ то же, тогда ихъ поведеніе грѣховно и позорно».

Что мы, социалисты, имѣемъ общаго съ этимъ негритянскимъ суевѣріемъ? Ничего. Вѣнчальная метрика для насъ такой же фетишъ, какъ и всякій другой. Его присутствіе не можетъ освятить

продажную проституцію, его отсутствіе не можетъ запятнать чистую взаимную любовь. Если бы бракъ имѣлъ только одну эту сторону, тогда было бы безъ дальнѣйшаго ясно, чѣмъ намъ дорожить въ бракѣ: ничѣмъ.

Но вотъ другой вопросъ. Онъ гласитъ: «Кто обязанъ доставить ребенку и матери необходимою социальную и экономическую поддержку?» Сторонники брака отвѣчаютъ на это: «Супругъ».

Это не идеальный отвѣтъ, но это отвѣтъ. Въ милліонахъ и милліонахъ случаевъ супругъ удовлетворительно исполняетъ свою задачу, какъ защитникъ жены и ребенка, и обезпечиваетъ этимъ продолженіе рода, точно такъ же, какъ какой-нибудь самецъ шимпанзе, который ночуетъ, сидя на суку, чтобы охранить отъ кровожадныхъ пантеръ свою самку и дѣтенышей, въ то время, какъ они спятъ высоко на вѣтвяхъ, на приготовленномъ имъ изъ листвы мягкомъ ложѣ. Здѣсь въ различныхъ формахъ изъ первобытныхъ дней какъ бы выступаетъ плотина, которая дѣлаетъ возможнымъ сохраненіе человѣческой жизни въ ея фізіологически слабѣйшихъ, но для продолженія расы необходимыхъ формахъ. Разрушить эту плотину, не замѣнивъ ее ничѣмъ, безпомощно обречь беременную женщину, роженицу и кормящую мать съ ея груднымъ ребенкомъ на всѣ ужасы борьбы

за существованіе,—значило бы шагнуть назадъ не только за всю нашу прежнюю культуру, но даже за варварство чернокожихъ центральной Африки и даже за шимпанзе и гориллу.

Такимъ образомъ социализмъ стоитъ передъ задачей помочь новой очищенной нравственности въ вопросахъ любви, но въ то же время замѣнить прежнюю систему попеченія о матери и ребенкѣ со стороны супруга другой системой, по крайней мѣрѣ, такой же дѣйствительной, а по возможности и лучшей.

II.

НАЧАЛА СОЦИАЛИЗАЦИИ БРАКА.

Есть ли въ современномъ обществѣ, этомъ невольномъ питомникѣ столькихъ зародышей будущаго, также зародыши и начала новой, лучшей системы, которая сдѣлаетъ лишнимъ мужа, какъ опекуна и патентованнаго защитника своихъ дѣтей и своей жены, системы попеченія общества о нашихъ дѣтяхъ, нашихъ женахъ?

Да.

Эти зародыши и начала нужно искать по обыкновенію тамъ, гдѣ въ прежней системѣ оказываются бросающіеся въ глаза пробѣлы и гдѣ она покровительствуетъ вопіющему злу. Бракъ защищаетъ прежде всего только замужнюю женщину и законнаго ребенка. О ребенкѣ, отца котораго не знаютъ, никто не обязанъ заботиться; внѣбрачный отецъ, какъ бы богатъ онъ ни былъ, можетъ отдѣлаться отъ своего ребенка самымъ нищенскимъ пособіемъ на содержаніе. Но въ обоихъ случаяхъ вполнѣ

благочестивые люди склонны просто отрицать право на существованіе у «ребенка грѣха», этого непрощеннаго гостя, прокравшагося въ міръ контрабандой, незаконными путями. Беременная женщина безъ свидѣтельства о бракѣ считается у набожныхъ католиковъ, протестантовъ и евреевъ опозоренной преступницей; нѣтъ такого оскорбленія, нѣтъ такого жестокаго обращенія, которое достаточно выражало бы справедливое возмущеніе такой «безстыдной дѣвкой».

Но чѣмъ больше центръ нашего религіознаго чувства подвигается отъ исторіи боговъ, святыхъ, ангеловъ, дьяволовъ и привидѣній въ біологію позвоночныхъ и человѣка, тѣмъ съ болѣе сильнымъ негодованіемъ должны мы отбросить ложное представленіе о томъ, будто здоровый ребенокъ не имѣетъ права на жизнь потому, что у него нѣтъ установленнаго бумажнаго фетиша. Тѣмъ болѣе беременная женщина является для насъ благословеннымъ, обещающимъ плодъ побѣгомъ на вѣчно зеленомъ деревѣ человечества, безразлично, есть ли у нея упомянутый фетишъ въ карманѣ или ящикѣ, или нѣтъ. И не одинъ человѣкъ, качающій головой надъ словами, которыя я здѣсь пишу, уже давно привыкъ къ существованію нѣкоторыхъ социальныхъ учреждений, хоть отчасти соотвѣт-

ствующихъ только что высказанному взгляду. Уже давно имѣемъ мы въ разныхъ мѣстахъ родильные дома, пріюты для женщинъ и воспитательные дома, открытые внѣбрачнымъ матерямъ и ихъ дѣтямъ. Эти учрежденія качественно часто, количественно почти всегда еще недостаточны, но они уже представляютъ поразительный примѣръ того, что должно принести будущее; они развиваютъ, такъ сказать, технику, которая въ послѣдствіи можетъ быть усовершенствована и обобщена. И чѣмъ больше завѣдываніе такими учрежденіями переходитъ изъ рукъ священниковъ и монахинъ въ руки свѣтскихъ просвѣщенныхъ врачей и сидѣлокъ, тѣмъ болѣе исчезаетъ и различіе въ обращеніи съ «брачными» и «внѣбрачными» ихъ обитателями. У насъ также есть законы объ охранѣ труда и страхованіе рабочихъ, обезпечивающіе женщинамъ на сносяхъ и роженицамъ безъ различія ихъ семейнаго положенія минимумъ заботливости и матеріальной поддержки. Кромѣ того, да будетъ это сказано къ чести нашего вѣка, не разъ уже было выставлено требованіе полного юридическаго уравниванія въ правахъ внѣбрачныхъ дѣтей съ дѣтьми, рожденными въ бракѣ, и это требованіе уже болѣе не замолкнетъ.

Съ другой стороны, слѣдствіемъ экономическаго порабощенія широкихъ народныхъ массъ

является то, что миллионы находящихся въ бракѣ родителей не могутъ въ достаточной степени заботиться о своихъ дѣтяхъ.

Что же касается рѣшенія вопроса, то здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, чтобы найти самоновѣйшій принципъ и примѣнить его на практикѣ, но о томъ, чтобы разработать и обобщить уже имѣющіяся начала. У насъ въ городахъ обыкновенно уже имѣются хорошія общественныя народныя школы, въ деревняхъ тоже есть народныя школы, хотя и плохія. Въ учрежденіи стипендій и бесплатныхъ вакансій для несостоятельныхъ гимназистовъ и слушателей высшихъ учебныхъ заведеній уже проявляется, по крайней мѣрѣ, частичное признаніе принципа, что при допущеніи въ спеціальныя высшія учебныя заведенія рѣшающее значеніе должны имѣть не деньги, а индивидуальныя способности кандидата; въ Швейцаріи бесплатность обученія развилась уже значительно дальше; спеціально въ Цюрихѣ даже высшее образованіе бесплатно, а также бесплатно даются и учебныя пособія. Во Франціи же соціалистическія городскія общины (прежде всѣхъ община Рубэ) приняли на себя бесплатное продовольствіе учащихся. Отсюда и до полного воспитанія и попеченія о дѣтяхъ и подрастающаго поколѣнія на общественный счетъ теоретически только одинъ шагъ, практи-

чески же, конечно, еще значительная часть пути.

Но въ то же время размѣры надлежащаго устраненія зла значительно сокращаются еще и съ другой стороны, именно увеличеніемъ числа работающихъ женщинъ. Во всякомъ случаѣ было бы бессмысленно въ каждомъ вторженіи женщинъ въ какую-либо отрасль производства видѣть эмансипацію; иногда здѣсь кроется порабощеніе. Если работа прямо разстраиваетъ здоровье, если она вызываетъ форменныя эпидеміи выкидышей, или если плата за длинный и тяжелый рабочий день настолько недостаточна, что она вынуждаетъ къ «проституціи, какъ дополнительному заработку», если, наконецъ, жена является факторомъ, понижающимъ заработокъ мужа, а дѣти — отца, въ такой степени, что вся семья зарабатываетъ все-таки не больше того, что зарабатывалъ прежде одинъ мужъ, съ той только разницей, что тогда домашнее хозяйство было въ порядкѣ, въ то время, какъ теперь оно запущено, и дѣти грубѣютъ, — во всѣхъ этихъ случаяхъ женскій трудъ является не освобожденіемъ женщины, но замѣной сносной для многихъ зависимости невыносимымъ рабствомъ. И какъ только экономическій гнетъ ослабнетъ и забрезжитъ возможность болѣе подходящаго занятія, женщины сами собою

снова уйдутъ изъ разныхъ промышленныхъ рабочихъ застѣнковъ, куда ихъ могла загнать только самая горькая нужда. Если же работа гигиенически сколько-нибудь выносима, а плата или жалованье сравнительно достаточны, то собственная промышленная дѣятельность женщины даетъ ей возможность самостоятельнѣе и свободнѣе относиться къ мужчинамъ, чѣмъ это въ общемъ принято. Я говорю: возможность, ибо человекъ не автоматъ, и живые мужчины и женщины не имѣютъ надобности немедленно реагировать на измѣненіе въ ихъ имущественныхъ отношеніяхъ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ въ сферѣ ихъ чувства; чувство моногаміи можетъ упорно пережить свою прежнюю экономическую основу. Съ другой стороны, не надо выпускать изъ вида, что вѣдь нынѣшняя трудящаяся женщина состоитъ въ большинствѣ случаевъ на службѣ не демократическаго общества, а на службѣ у какого-нибудь неограниченно распоряжающагося частнаго предпринимателя, и этотъ предприниматель со своими служащими можетъ иногда очень чувствительно урѣзывать половую свободу работницы. Насколько чувствительно онъ можетъ это сдѣлать, стало извѣстно всему міру при дебатахъ «о параграфѣхъ работодателей». Такъ, молодая дама, пожизненно приковавшая себя къ мужу по своему выбору,

сравнительно все еще свободнѣе, чѣмъ бѣдная продавщица, которую угрозами принуждаетъ отдаться ей лично очень непріятный хозяинъ. Но, помимо такихъ подлыхъ злоупотребленій, какъ мы уже сказали, существуетъ экономическая возможность свободной любви, разъ женщина въ силу своего профессиональнаго занятія становится экономически независимой отъ мужчины. Правда, этимъ особая беспомощность женщины не совсѣмъ устраняется, но все же значительно сокращается; пожизненная зависимость хозяйки отъ хозяина превращается лишь во временную, даже можно сказать рѣдкую беспомощность женщинъ въ тѣ періоды жизни, въ которые сама природа возложила на нее самое тяжелое бремя.

Задача будущаго коллективистскаго общества — гарантировать всѣмъ женщинамъ и дѣтямъ ту защиту, которую до сихъ поръ требовала отдѣльная женщина для себя и своихъ дѣтей отъ отдѣльнаго отца семейства, — эта задача будетъ такимъ способомъ въ высшей степени облегчена.

Итакъ, мы видимъ, какъ уже существующія тенденціи развитія съ двухъ сторонъ стремятся къ выше нами намѣченной цѣли.

Чѣмъ дальше будетъ, съ одной стороны, развиваться общественное попеченіе о дѣтяхъ и ихъ

матеряхъ, чѣмъ больше, съ другой стороны, будетъ подходящихъ для нихъ отраслей промышленности и чѣмъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ онѣ будутъ открыты женщинамъ, тѣмъ менѣе необходимымъ явится для женщины бракъ. А все дѣло въ томъ, чтобы женщина могла обойтись безъ брака, потому что бракъ до сихъ поръ былъ необходимъ именно для женщины. Если мужчины объявляютъ, что они съ своей стороны отлично могутъ обойтись безъ брака, то это равносильно тому, какъ если бы фабрикантъ заявилъ, что онъ не нуждается въ государственной охранѣ рабочихъ. Только тогда, когда женщина заявитъ и будетъ имѣть право заявить: мнѣ не нуженъ бракъ потому, что общественный строй обезпечиваетъ мнѣ и моимъ дѣтямъ все, что мнѣ нужно, только тогда бракъ, дѣйствительно, устарѣетъ, только тогда свободная любовь станетъ нормальной формой половой жизни культурныхъ людей.

III.

КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Для дальнѣйшаго изложенія было бы полезно нарисовать картину того, какой видъ могла бы принять свободная любовь въ коллективистскомъ обществѣ. Но для этого я долженъ сперва набросать картину или хотя эскизъ этого общества. Дѣлая это, я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, осуществится ли коллективистское общество черезъ тридцать, шестьдесятъ или девяносто лѣтъ, и осуществится ли оно сразу «во всемъ мірѣ» или же сперва только въ Новой Зеландіи и затѣмъ въ Австраліи. Точно такъ же я на этотъ разъ оставляю въ сторонѣ и спеціальнѣйшій вопросъ о томъ, будутъ ли среди коллективистскаго общества продолжать вѣками существовать кое-гдѣ (напримѣръ, у крестьянъ отдаленныхъ горныхъ долинъ) остатки доколлективистскихъ формъ, хотя бы и съ значительно социалистическимъ содержаніемъ. На этотъ разъ рѣчь идетъ только

о фантазіи, которая должна намъ ясно показать, какой изъ существующихъ въ настоящее время тенденцій развитія мы должны по мѣрѣ силъ помогать, короче сказать, — о наглядной формулѣ того, чего мы хотимъ. При такой картинѣ будущаго почти нельзя избѣжать извѣстной индивидуальной окраски, если не желательно довольствоваться самыми сухими общими мѣстами; все-таки я постараюсь остаться по возможности безпристрастнымъ. Поэтому я предполагаю прежде всего, что всѣ сколько-нибудь важныя орудія производства перешли въ собственность корпорацій, за которыми признается право представлять въ извѣстныхъ границахъ общественные интересы. Это могутъ быть, во-первыхъ, территоріальные союзы, слѣдовательно, общины, провинціи, государства, а также и основанныя для опредѣленныхъ цѣлей международныя федераціи; наравнѣ съ этимъ также потребительныя общества и подобныя имъ свободныя товарищества потребителей въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ и съ извѣстными оговорками профессиональные союзы, производительныя товарищества и т. п. Всѣмъ этимъ союзамъ должно быть обще то, чтобы они были открыты, т. е. не ограничивали бы произвольно числа своихъ членовъ. Слѣдовательно, не «буржуазныя общины», не олигоріи

патрициевъ, ограничивающія на цѣлыя поколѣнія права иммигрантовъ, но всѣмъ открытыя демократіи, въ которыхъ новопривышій по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ силу этого становится полноправнымъ гражданиномъ; и не потребительныя акціонерныя общества, эксплуатирующія широкія массы покупателей, но потребительныя общества, доступныя каждому, живущему въ районѣ; а если и профессиональные союзы, то, во всякомъ случаѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они были открыты всякому обученному рабочему данной профессіи. Правовая структура всѣхъ такихъ корпорацій, обладающихъ орудіями производства и платящихъ рабочимъ, противодѣйствовала бы, такимъ образомъ, всякой попыткѣ къ образованію замкнутыхъ группъ монополистовъ.

При этомъ болѣе обширные союзы должны были бы, конечно, сохранить извѣстное верховное право собственности по отношенію къ своимъ отдѣльнымъ секціямъ; напримѣръ, государство должно было бы имѣть право въ случаѣ надобности экспроприировать одну коммунальную землю, для общественныхъ культурныхъ цѣлей, въ крайнемъ случаѣ даже противъ воли данной общины.

Это верховное право собственности въ то же время не позволяло бы возникать различій ме-

жду бѣдными и богатыми общинами (или товариществами).

Родившіеся въ этомъ обществѣ мальчики и дѣвочки прежде всего воспитывались бы на общественный счетъ и ихъ заставляли бы посѣщать народную школу. Затѣмъ они распределяются въ различныя спеціальныя школы, которыя всѣ безъ исключенія бесплатны, но изъ которыхъ каждая принимаетъ лишь ограниченное число избранныхъ, наиболѣе подходящихъ учениковъ. Конечно, преподаваніе планомерно должно быть направлено къ тому, чтобы дать каждому ученику обширныя теоретическія и техническія познанія въ какой-либо опредѣленной профессіи, будь это обработка дерева или медицина, сценическое искусство или ремесло каменщика, такъ чтобы особаго класса необученныхъ рабочихъ вообще не существовало и чтобы разница между «теоретиками» и «практиками» не была такъ громадна, какъ теперь. По окончаніи обученія молодые люди, какъ мужчины, такъ и взрослые дѣвушки, ищутъ какого-нибудь мѣста рабочаго на общественной службѣ. Слово «рабочій» понимается, конечно, въ самомъ широкомъ смыслѣ, такъ чтобы его можно было примѣнить ко всякому, кто обязуется общинѣ исполнять какую-нибудь профессиональную работу, т.-е. къ чиновнику и учителю, уче-

ному и художнику, точно такъ же, какъ и къ занятымъ въ промышленности и сельскимъ хозяйствомъ.

Минимальный допустимый заработокъ рабочего въ какой бы то ни было отрасли долженъ быть установленъ закономъ, равно какъ и максимальное вознагражденіе; но въ этихъ крайнихъ границахъ заработокъ отдѣльныхъ категорій опредѣляется соглашеніемъ между организованнымъ спросомъ со стороны платящихъ рабочихъ корпорацій и организованнымъ предложеніемъ со стороны профессиональных союзовъ и биржъ труда. Въ этихъ такимъ образомъ суженныхъ границахъ рѣшающее значеніе имѣетъ индивидуальная способность каждаго отдѣльнаго конкурента. Однѣ отрасли труда, въ силу своего особаго характера, предназначаются женщинамъ, другія — мужчинамъ; въ большинствѣ же профессій мужчины и женщины работаютъ вмѣстѣ и за одинаковый трудъ получаютъ одинаковое вознагражденіе.

Разъ занятое мѣсто будетъ сравнительно постояннымъ, такъ какъ при плановѣрномъ коллективномъ производствѣ не будетъ массовыхъ увольненій изъ-за застоевъ въ сбытѣ и производствѣ, и, съ другой стороны, облеченные широкой юридической властью профессиональные союзы будутъ служить защитой противъ произ-

вольныхъ мѣръ. Тотъ, кто окажется неспособнымъ выполнять условленную работу, будетъ увольняться. Тогда къ его услугамъ весь аппаратъ высоко централизованнаго и, благодаря коллективному производству, въ то же время въ высшей степени упрощеннаго посредничества, такъ что онъ обыкновенно находитъ новое мѣсто еще до истеченія срока увольненія. Въ худшемъ же случаѣ, когда ему это не удастся, онъ получаетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ достаточную для существованія ренту для безработныхъ или отъ корпораціи, которая ему прежде платила (какъ, напримѣръ, нынѣшній организованный типографъ) отъ своего профессиональнаго союза. Такимъ образомъ «безработныхъ» въ томъ роковомъ смыслѣ, который это слово имѣетъ въ большинствѣ случаевъ теперь именно «бездоходныхъ», ищущихъ работы, тогда вообще не будетъ на рынкѣ труда.

Тотъ, кто оставляетъ свое мѣсто добровольно или недобровольно, будетъ пріискивать досугѣ новое подходящее занятіе; искушеніе явится факторомъ, понижающимъ заработную плату, вообще будетъ ему чуждо. Каждая отдѣльная корпорація будетъ имѣть возможность, не стѣсняясь никакими соображеніями, въ интересахъ потребителей и всей культуры, пользоваться своимъ правомъ удалять менѣе для нея

годныя рабочія силы, и вмѣсто нихъ брать съ національнаго и международнаго рынка труда рабочихъ, наиболѣе пригодныхъ для ея особыхъ цѣлей, привлекая ихъ, по мѣрѣ надобности, болѣе высокимъ, приближающимся къ законному максимуму, вознагражденіемъ.

Весь этотъ обмѣнъ постоянно содѣйствовалъ бы тому, чтобы подходящаго человѣка ставить на подходящее мѣсто, до тѣхъ поръ, пока личность и профессія не подойдутъ другъ къ другу, какъ приноровленные, — это будетъ доведенный до правильнаго развитія социальный подборъ, свободный отъ всякой фальши, вслѣдствіе преимуществъ рожденія и состоянія, безконечно смягченный въ своемъ вліяніи на отдѣльную личность, въ высшей степени увеличившій свое полезное дѣйствіе на всѣхъ вообще. Конечно, этотъ социальный подборъ (который, кстати сказать, какъ по существу, такъ и по своему вліянію или отличается отъ «естественнаго подбора» въ смыслѣ Дарвина, т.-е. выживанія наиболѣе пригодныхъ и преждевременнаго бездѣтнаго вымиранія непригодныхъ) могъ бы свободно совершаться только въ тѣхъ отрасляхъ производства, характеръ которыхъ допускаетъ частую смѣну личнаго состава. Напротивъ, въ другихъ случаяхъ отдѣльный рабочій станетъ къ общинѣ въ отношеніи не наемника, а арен-

датора; въ сельскомъ хозяйствѣ, вслѣдствіе особой связи земледѣльца съ обрабатываемой имъ землею, это положеніе можетъ быть даже господствующимъ. Арендный договоръ будетъ долгосрочнымъ, и арендатору будетъ гарантировано достаточное обезпеченіе противъ произвольнаго отказа отъ аренды. Зачѣмъ же иначе онъ сталъ бы сажать деревья и ухаживать за ними, когда они только черезъ нѣсколько лѣтъ дадутъ тѣнь и принесутъ плоды. И даже уходящему или умирающему арендатору спокойно можно будетъ предоставить право предлагать корпораціи, сдающей ему въ аренду землю своего преемника, котораго онъ можетъ отвергнуть лишь въ случаѣ ясно выраженной его неспособности. Всѣ эти обусловленныя особымъ характеромъ сельскаго хозяйства подробности совмѣстимы съ коллективистскимъ принципомъ, пока собственность на землю, а, слѣдовательно, арендная плата и главный надзоръ надъ веденіемъ хозяйства арендаторомъ, остается въ рукахъ общины, и пока каждый рабочій оплачивается не арендаторомъ, а общиной. Земледѣльцу же безусловно требуется предоставить время и покой для того, чтобы онъ могъ, такъ сказать, срастись съ арендуемымъ имъ участкомъ земли. Если только земля дѣйствительно должна быть обработана, а не просто использо-

вана. Наиболее близкое соотвѣтствіе между личностью и ея кругомъ дѣятельности именно въ сельскомъ хозяйствѣ будетъ достигнуто не столько путемъ подбора, сколько путемъ приспособленія. Но безразлично въ сельскомъ хозяйствѣ или промышленности, при арендѣ или наемномъ трудѣ, въ каждомъ случаѣ размѣръ дохода всѣхъ работоспособныхъ взрослыхъ зависитъ отъ производительности ихъ труда.

Естественнымъ дополненіемъ этой системы является бесплатный уходъ за больными и достаточное попеченіе объ инвалидахъ и старикахъ. О бесплатномъ уходѣ за роженицами мы уже упоминали. Для моей настоящей цѣли нѣтъ надобности подробно говорить о распредѣленіи продуктовъ въ коллективистскомъ мірѣ. Это распредѣленіе будетъ очень разнообразно и въ своихъ внѣшнихъ формахъ вовсе не будетъ такъ отличаться отъ современнаго, какъ многіе думаютъ. И тогда будутъ въ ресторанахъ платить наличными деньгами за все съѣденное и въ лавкахъ за все купленное, съ тою лишь разницей, что тогда кушанья и напитки будутъ отпускаться за счетъ не частныхъ фирмъ, а общественныхъ корпорацій, и что въ деньгахъ, которыя платитъ покупатель, будь это металлъ или бумажки, будетъ заключаться не доходъ,

получаемый безъ труда, вслѣдствіе какой-нибудь привилегіи трутней, а заработная плата, и ничего, кромѣ заработной платы, ибо и упомянутая рента для безработныхъ, инвалидовъ и стариковъ есть по своему существу тоже нечто иное, какъ замаскированная заработная плата. Что же будетъ дѣлать въ такомъ обществѣ трудящаяся женщина, когда она почувствуетъ себя матерью? Станетъ ли она умолять о помощи отца ребенка? Это было бы безцѣльно, такъ какъ его заработка хватаетъ только для него самого, и это было бы лишнимъ, потому что она отъ общины получаетъ все, что ей нужно, не какъ супруга или возлюбленная гражданина X, а просто на основаніи собственныхъ правъ, какъ работницы. Поэтому она, ссылаясь на свое состояніе, будетъ требовать сначала облегченія условій труда, а затѣмъ полного отпуска; когда она это найдетъ нужнымъ, она отправится въ родильный пріютъ, въ которомъ тогда не будетъ никакихъ гадостей, свойственныхъ теперь подобнымъ учрежденіямъ, и останется тамъ нѣкоторое время и послѣ родовъ подъ опытнымъ уходомъ. Затѣмъ она вернется къ своей работѣ сначала отчасти, потомъ совсѣмъ. Воспитаніемъ своего ребенка она будетъ лично заниматься постольку, поскольку это отвѣчаетъ ея наклонностямъ и

характеру ея работы. Но во всякомъ случаѣ воспитаніе дѣтей является соціально необходимымъ трудомъ. Если этотъ трудъ беретъ на себя мать, то она за это матеріально вознаграждается; если же она предоставляет своего ребенка профессиональнымъ воспитательницамъ, то соотвѣтственная часть заработной платы переходитъ въ карманы послѣдней. Но не будетъ ли при подобныхъ учрежденіяхъ слишкомъ много дѣтей? Нѣтъ. Только несамостоятельныя, безразсудныя и безвольныя рабыни брака производятъ ежегодно съ фатальной регулярностью на свѣтъ по ребенку, но никоимъ образомъ не самостоятельныя женщины. Повышеніе общаго благосостоянія, болѣе широкое школьное образованіе женщины и прежде всего распространеніе знанія раціональных средствъ для предупрежденія нежелательнаго зарожденія—будутъ дальнѣйшими факторами, посредствомъ которыхъ будетъ достигнуто пониженіе числа рожденій до желательной нормы вмѣстѣ съ одновременнымъ подъемомъ качества рождаемыхъ дѣтей. Безъ частичнаго примѣненія предупредительныхъ средствъ соціалистское общество, правда, не могло бы долго удержаться; но на пути къ пропагандѣ такихъ средствъ нѣтъ серьезнаго препятствія, кромѣ нѣсколькихъ вздорныхъ предразсудковъ и глупостей ханжей.

IV.

ЛЮБОВЬ ВЪ КОЛЛЕКТИВИСТСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Послѣ этихъ предварительныхъ разсужденій мы можемъ предоставить болѣе свободный полетъ нашей фантазіи. Какого рода будетъ любовная жизнь свободныхъ мужчинъ и женщинъ? Чтобы здѣсь не сбиться съ пути, прежде всего нужно имѣть въ виду одно основное предположеніе: коллективистское общество будетъ обществомъ безъ проституціи. «Прелюбодѣяніе» въ смыслѣ незаконнаго союза *), именно любовь безъ благословенія попа, будетъ, во всякомъ случаѣ, встрѣчаться довольно часто; но не будетъ проституціи, т.-е. продажи тѣла нелюбимому человѣку изъ-за экономической нужды ни съ поповскаго благословенія, ни безъ него. Пусть мнѣ не дѣлаютъ глупаго возраженія, что многія дѣвушки по природѣ страшно чувственны. Особенно сильная или особенно раз-

*) Примѣчаніе переводчика въ оригиналѣ.

борчивая чувственность можетъ въ крайнемъ случаѣ проявиться въ томъ, что дѣвушка будетъ часто мѣнять любовниковъ; но поскольку она слѣдуетъ при этомъ всякій разъ своей склонности, такое отношеніе не имѣетъ ничего общаго съ проституціей, развѣ только въ глазахъ неисправимыхъ филистеровъ, которые хрюкаютъ на все, что не носитъ казенной печати. Но если дѣвушка слѣдуетъ не своей склонности, а отказывается ради экономической выгоды отъ самаго прекраснаго, самаго гордаго права человека, — права свободнаго соглашенія и отказа — тогда во всякомъ случаѣ тутъ кроется проституція; но въ этомъ виновата не чувственность, а экономическая несвобода и безпомощность.

Здѣсь необходимо покончить съ одной научно подкрашенной модной глупостью. Я подразумеваю предвзятое мнѣніе о «природныхъ проституткахъ». Пусть будетъ доказано, что среди сотни проституткокъ находится большее число лицъ съ очевидными признаками наследственнаго физическаго и духовнаго вырожденія, чѣмъ среди сотни честныхъ дѣвушекъ. Что изъ этого слѣдуетъ? Только то, что дѣвушки, зачатые и рожденные въ нищетѣ, большею частью въ нищетѣ же и выросшія, легче поддаются искушенію проституціи, чѣмъ другія. Больше

ничего. И когда намъ рассказываютъ о тупоумныхъ дочеряхъ пьяницъ-родителей, которымъ не хватаетъ силы воли отклонить требованіе полового влеченія, что это доказываетъ? Конечно, не назначеніе этихъ несчастныхъ быть продажнымъ объектомъ сладострастія господъ, могущихъ платить. Что же было бы въ томъ случаѣ, когда молодого человека, который не смогъ противостоять искушенію лишней выпивки, живо аттестовали бы «прирожденнымъ алкоголикомъ» и тогда вывели бы заключеніе: нужно поторопиться сдѣлать изъ него пивовара или трактирщика, чтобы онъ могъ безпрепятственно выполнять свое предназначеніе? Или же про юношу, у котораго неудержимо текутъ изъ рукъ какъ свои, такъ и чужія деньги, утверждали бы, что онъ природный «расточитель», и что общество обязано назначить его поскорѣй директоромъ сберегательной кассы, чтобы онъ могъ вполне слѣдовать своей природной склонности. Нѣтъ. Если капиталистическое общество способно на грязную подлость пользоваться болѣзненной слабостью такихъ погибшихъ и заброшенныхъ созданій, какъ предметомъ удовольствія, то социализмъ будетъ и этихъ больныхъ лѣчить, какъ больныхъ, и охранять ихъ отъ истязанія.

Итакъ, проституціи не будетъ. Будетъ классъ женщинъ, которыхъ не нужно будетъ домогаться, потому что онѣ продажны, не классъ женщинъ, которыхъ обнимаютъ, хотя и презираютъ, потому что передъ ними не нужно стѣсняться. А съ проституціей исчезнутъ всѣ опустошительныя и отравляющія вліянія, которыя она производитъ на любовь большинства современныхъ мужчинъ, не только буржуа, но и рабочихъ; именно послѣдніе-то и идутъ къ дешевымъ проституткамъ, но отъ этого дѣло не становится лучше. Прежде всего не будетъ той, несмотря на количественныя излишества хронической качественной неудовлетворенности, которая такъ легко охватываетъ и такъ трудно потомъ выпускаетъ покупающихъ продажную любовь; не будетъ позорнаго обмана, заключающагося въ томъ, что здоровой душой и тѣломъ дѣвушки предлагаютъ истасканные остатки растроченныхъ продажнымъ сладострастіемъ силъ мужчины; не будетъ контрбанды отвратительной извращенности изъ продажнаго сладостребія въ любовь, гдѣ имъ нѣтъ мѣста. Для незрѣлыхъ юношей, для безсильныхъ негодяевъ, для идіотовъ и пьяницъ не будетъ больше женщинъ *).

*) По поводу этого Стефанъ Гроссманъ замѣтилъ: „Что же должны дѣлать негодяи и идіоты“. Если Гроссманъ такъ робко занимается

Какъ у всѣхъ истинно здоровыхъ и прогрессивныхъ расъ, обладаніе женщиной станетъ снова драгоценнымъ благомъ, домогаться котораго мужчине будетъ изъ всѣхъ силъ, въ упорномъ соревнованіи съ другими соперниками. Но и онъ со своей стороны не станетъ расточать столько силъ и труда изъ-за первой встрѣчной; онъ будетъ выбирать и выбирать гораздо строже, чѣмъ теперь.

Такимъ образомъ каждый любовный союзъ будетъ воплощеніемъ той творческой силы, которой мы обязаны благороднѣйшимъ разсвѣтомъ художественной красоты, и безъ которой человѣкъ, вѣроятно, никогда не сталъ бы художественно чувствующимъ, художественно творющимъ животнымъ: половой подборъ — это подборъ въ борьбѣ не за существованіе, но за любовь.

Очевидно, что заключенный такимъ образомъ и основанный на свободѣ выбора родства союзъ едва ли могъ бы быть расторгнутъ сразу, ибо какъ заключеніе, такъ и расторженіе подобныхъ союзовъ будетъ дѣломъ очень серьезнымъ. Но какъ далеко зайдетъ эта тенденція

спортомъ парадоксовъ, то онъ не создастъ новаго рекорда. Я бы ему посоветовалъ предложить съ возможно равнодушнымъ видомъ вопросъ: „Что должны предпринять бѣдные канибалы, если они больше не достанутъ для ѣды свѣжаго человеческого мяса“. Все было бы вѣдь себя отъ изумленія.

прочности разъ заключенныхъ союзовъ. Неужели до правильной моногаміи, до добровольнаго пожизненнаго единобрачія, несмотря на отсутствіе всякаго экономическаго принужденія?

Или обратно. Понизять ли требованіе вѣчно новаго подбора, стремленіе къ распознанію и постиженію (пониманію) вѣчно новыхъ воплощеній другого пола среднюю продолжительность любовной связи еще далѣе уровня, опредѣленнаго Фурье, т.-е. до шести мѣсяцевъ или еще менѣе?

Я этого не знаю. Да и никто не знаетъ. Но мнѣ хочется предположить, что обѣ эти крайности и безчисленные переходимыя степени будутъ существовать рядомъ. И всѣ эти формы будутъ соціально равноправны.

Мнѣ кажется, что одно вѣское соображеніе говоритъ за то, что продолжительность большинства любовныхъ связей должна быть ограниченной во времени. Пожизненное единобрачіе имѣетъ свою родину на почвѣ абсолютно-консервативнаго общества, тамъ, гдѣ всѣ жители одной мѣстности управляются одной и тою же традиціей, такъ что юноша и дѣвушка, выросшіе въ этой традиціи, могутъ съ увѣренностью рассчитывать на то, что они до конца жизни останутся духовно равными между со-

бою. Въ центрахъ же нашей культуры мы видимъ теперь совсѣмъ не то. Мы удаляемся отъ этого примитивнаго типа, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе прогрессируетъ наша культура, основанная на устроении разстояній. Мы представляемъ теперь культурное человѣчество *in statu nascendi* (въ моментъ возникновенія), какое еще никогда до этихъ поръ не населяло землю, даже въ послѣднія времена Римской имперіи. Въ нашихъ тѣлахъ обращается кровь, смѣшанная изъ крови сотни расъ; въ нашей литературѣ перекрещиваются традиции сотенъ народовъ, взаимно оплодотворяя другъ друга. Каждый газетный листъ, каждая телеграфная проволока приносятъ намъ новыя удивительныя вѣсти; ничего подобнаго не было доступно нашимъ предкамъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. И въ то время, когда законченные областные и національные типы начнутъ сглаживаться, каждый отдѣльный челоѣкъ все болѣе дѣлается самостоятельной единицей, переживающей свою собственную, особенно окрашенную индивидуальную метаморфозу. По мѣрѣ этого дѣлается все менѣе вѣроятнымъ, чтобы пути личнаго развитія мужчины и женщины пожизненно шли параллельно одинъ другому. Гораздо вѣроятнѣе, что тѣ же силы, которыя обусловливали скрещеніе обоихъ путей въ одной точкѣ сѣченія, въ

слѣдующій моментъ вызовутъ ихъ развѣтвленіе, которое будетъ неуклонно усиливаться. И это развѣтвленіе чрезъ нѣсколько лѣтъ можетъ зайти достаточно далеко для того, чтобы вызвать разрывъ связи и обоюдное освобожденію для новаго подбора. Но во всякомъ случаѣ, будутъ ли любовные союзы отдѣльныхъ личностей долгосрочными или кратковременными, они не будутъ имѣть вліянія на ихъ социальное положеніе. Последнее будетъ опредѣляться исключительно степенью ихъ способностей какъ рабочихъ и работницъ. Такъ какъ все, что по своему внутреннему характеру является дѣломъ общественнымъ, организуется, какъ общественная служба, и планомѣрно регулируется, то общинѣ не будетъ надобности заботиться о томъ, какимъ образомъ отдѣльныя личности въ свободное отъ службы время ищутъ и находятъ свой клочокъ личнаго счастья; поскольку забота о матери и воспитаніе юношества будетъ дѣломъ общественнымъ, постольку же приобретутъ серьезное значеніе слова, недавно въ шутку брошенныя однимъ изъ любимыхъ писателей: «Любовь есть частное дѣло».

Будетъ ли при всемъ этомъ существовать ревность? Я думаю, да. Можетъ-быть, даже довольно сильная. Но она укротитъ свои рѣзкія формы и выразится въ мирномъ соревнованіи,

въ развитіи достойныхъ уваженія и любви качествъ, и временно отвергнутые будутъ молча отходить въ сторону и искать причину своего пораженія въ собственномъ несовершенствѣ, чтобы въ будущемъ по возможности исправиться.

А какъ же союзы, основанные на многожествѣ и многоженствѣ, эти знаменитыя треугольныя и многоугольныя связи, которыя, по мнѣнію многихъ, чуждыхъ имъ людей, являются ядромъ свободной любви? А какъ же знаменитые примѣры сочетанія: одна жена и два мужа, двѣ дѣвушки и одинъ мужъ?

Ну, я придерживаюсь того обоснованнаго взгляда, что подобныя аномаліи именно въ коллективистскомъ обществѣ будутъ встрѣчаться очень рѣдко, гораздо рѣже, чѣмъ теперь. Тамъ, гдѣ онѣ встрѣчаются чаще, онѣ обыкновенно являются не плодомъ свободы, но или продуктомъ полового рабства, какъ тѣ малодушно живые треугольники прелюбодѣянія, обязанные своимъ существованіемъ лишь зависимости жены отъ ставшаго ей давно безразличнымъ или ненавистнымъ мужа, или же симптомомъ социального паразитизма, каковы гаремы богатыхъ турокъ, въ то время, какъ масса болѣе бѣдныхъ турокъ, какъ извѣстно, довольствуется

одной женой, несмотря на то, что церковь разрѣшаетъ имъ многоженство.

Кромѣ того, очень интересныя свѣдѣнія о многоженствѣ мормоновъ говорятъ, какъ мнѣ кажется, скорѣе за мой взглядъ, чѣмъ противъ него. Насколько извѣстно, только небольшая часть мормоновъ (какъ полагаютъ, 6⁰/₀) пользуется церковнымъ разрѣшеніемъ полигамическаго, точнѣе сказать, полиганическаго брака, и при всей симпатіи къ по крайней мѣрѣ частью социалистическимъ учрежденіямъ мѣста Утаха надо было бы изслѣдовать, не найдутся ли все-таки среди этихъ 6⁰/₀, главнымъ образомъ, люди съ высокимъ социальнымъ положеніемъ, высшее духовенство и государственные чиновники.

Кромѣ того, полигамія въ Утахѣ является частичною поправкой къ предписанной церковью нерасторжимости брака, и если предположить, что церковь мормоновъ въ одинъ прекрасный день разрѣшила бы расторженіе брака, то все еще является вопросъ, не превратятся ли законные треугольники и многоугольники Утаха очень быстро въ простые двухугольники. Съ этимъ можно соглашаться или не соглашаться; въ случаѣ, если въ коллективистскомъ обществѣ найдутся мужчины и женщины, которые придерживаются другого взгляда и которые вступаютъ по свободной

склонности и, несмотря на полную экономическую независимость, въ полиандрическія и полиническія любовныя связи, то эти связи будутъ дѣломъ частнымъ, законнымъ приспособленіемъ къ исключительнымъ индивидуальнымъ видоизмѣненіямъ половой жизни, не имѣющимъ никакого антисоціального значенія и не дающимъ ни основанія ни права для вмѣшательства полицейскаго крючкотворства.

V.

РЕФОРМЫ НАСТОЯЩАГО.

Но вернемся къ настоящему. У насъ еще нѣтъ коллективизма. У насъ даже еще очень плохо оплачивается женскій трудъ, у насъ есть лишь убогіе обрывки коллективнаго попеченія о дѣтяхъ и матеряхъ, и у насъ существуетъ еще проституція. Что дѣлать?

Отыскивать линію наименьшаго сопротивленія, вдоль которой возможенъ постоянный прогрессъ, ибо дѣло не въ томъ, чтобы утомлять себя, но въ томъ, чтобы подвигаться впередъ. И никогда не забывать, что рѣчь идетъ не о томъ, чтобы доставить отдѣльнымъ личностямъ за счетъ народа болѣе или менѣе паразитическую «свободу», но въ томъ, чтобы поднять и освободить весь народъ. Все остальное — эпизодъ.

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ также судить и о случаяхъ индивидуальнаго возмущенія противъ полового рабства, — случаяхъ, встрѣчающихся въ литературѣ очень часто, въ жизни —

иногда. Если, напримѣръ, въ интересной тенденціозной новеллѣ Моккая богатый Францъ Грахъ и довольно зажиточная Дора Сикъ ѣдутъ вмѣстѣ въ купѣ перваго класса въ Парижъ по заключеніи устнаго договора, исключающаго всякую несвободу, то это для нихъ обоихъ въ высшей степени пріятно и, кромѣ того, служитъ хорошимъ примѣромъ для любовной парочки въ подобномъ благопріятномъ положеніи; но приводитъ этотъ примѣръ для подражанія бѣдствующей одновременно въ экономическомъ и половомъ отношеніи массъ было бы или безуміемъ или насмѣшкой. Правда, можно было бы, пожалуй, возразить: кому недостаетъ экономической независимости, тотъ долженъ ея добиваться собственной силой, но и это удастся очень часто въ литературѣ, въ дѣйствительности же очень рѣдко. Мы можемъ радоваться, что наши писатели создали такіе женскіе типы борцовъ за свободу, какъ Рита Ревера Гортлебена или Лили фонъ-Робичекъ Вольцогена. Но изъ тысячи шансонетокъ едва ли найдется одна, которая обладала бы большимъ талантомъ, большой энергіей и имѣла очень много счастья для того, чтобы съ юношеской жизнерадостностью взобраться на гордую высоту Риты Реверы, и изъ тысячи женщинъ, набрасывающихся на ремесло портнихъ и модистокъ, едва ли хоть

одной посчастливится такъ, какъ прелестной маленькой госпожѣ фонъ-Робичекъ, которую писатель надѣлилъ исключительнымъ художественно-промышленнымъ талантомъ, пріятной наружностью, приличнымъ оборотнымъ капиталцемъ и цѣлымъ рядомъ заботливыхъ и свѣдущихъ въ искусствѣ друзей. Слѣдовательно, насколько сердечно мы привѣтствуемъ подобные женскіе типы въ литературѣ и жизни, въ жизни по возможности еще болѣе сердечно, чѣмъ въ литературѣ, настолько же мы обязаны уяснить себѣ ихъ исключительный характеръ. Для широкой массы должны быть проложены другіе пути.

Объ этихъ путяхъ я уже кое-что сказалъ во второй главѣ этой брошюры. Прежде всего необходимо бороться за юридическое уравненіе въ правахъ внѣбрачныхъ дѣтей съ рожденными въ бракѣ. Далѣе, нужно расширить, реформировать и усовершенствовать всѣ тѣ учрежденія, которыя предназначены для того, чтобы превратить внѣбрачное материнство изъ ужасной катастрофы въ относительно сносное событіе. Прежде всего надо преобразовать область женскаго труда, доставить женщинамъ не только какую-нибудь работу, но работу хорошо оплачиваемую и притомъ соразмѣрную съ ея силами при приличныхъ условіяхъ. Многого мо-

гутъ здѣсь достигнуть профессиональные союзы, многого надо будетъ добиваться законодательнымъ путемъ. Конечно, весьма важно будетъ дать подрастающимъ дѣвушкамъ улучшенное школьное образованіе, именно широкое ремесленное образованіе для ихъ будущей промышленной дѣятельности, а чтобы это образованіе дѣйствительно было доступно и дочерямъ бѣднѣйшихъ классовъ, мы должны будемъ всюду позаботиться не только о бесплатности обученія, но также и о бесплатности пособій и продовольствія учащихся. И когда эти этапы будутъ достигнуты, тогда мы должны будемъ бороться далѣе и все далѣе, пока у насъ не будетъ полного коллективизма для мужчинъ такъ же, какъ и для женщинъ. Тогда бракъ станетъ чисто факультативнымъ учрежденіемъ и мало-по-малу исчезнетъ самъ собою.

Но пока мы еще имѣемъ бракъ, мы должны стремиться сдѣлать его сноснымъ, содѣйствуя облегченію развода. Было бы уже многое достигнуто, если бы бракъ былъ такъ легко расторгимъ въ Германіи и Австріи, во Франціи и Англіи, какъ въ Швейцаріи, не говоря о нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки, надъ передовыми учрежденіями которыхъ весьма несправедливо издѣвается европейская ежедневная печать. Чѣмъ легче бракъ расторгимъ,

тѣмъ чаще будетъ супружеская чета вмѣстѣ съ тѣмъ и любящей четой, тѣмъ болѣе приблизится бракъ по своему внутреннему характеру къ свободному союзу по любви, особенно если одновременно ослабнетъ экономическая зависимость женщины отъ мужчины. И чѣмъ больше общественное мнѣніе привыкнетъ видѣть въ разводѣ не преступленіе, а нѣчто нормальное, тѣмъ скорѣе подготовится переворотъ въ образѣ мыслей и чувствъ широкихъ народныхъ массъ въ пользу свободной любви.

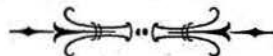
Между тѣмъ ежегодно находятся нѣкоторыя личности, которыя не хотятъ ждать, не могутъ ждать, и ихъ конфликты съ господствующими предрасудками представляютъ намъ превосходныя точки опоры для пропаганды идей свободной любви. Намъ совсѣмъ не надо искусственно воспитывать подобные случаи. Напримѣръ, было бы нелѣпостью идти въ деревню и проповѣдывать строго вѣрующимъ деревенскимъ парнямъ, что они не должны жениться на своихъ дѣвушкахъ, но должны «любить ихъ свободно». Парни перевели бы «свободно любить» просто словомъ «бросать». Но и безъ нашего содѣйствія будутъ ежегодно одна-двѣ «падшія» дѣвушки; и если тогда все деревенское населеніе, отъ попа до молодого подпаска, превзойдетъ другъ друга въ жестокостяхъ по отноше-

нію къ такому бѣдному созданію, тогда для насъ, социалистовъ, настанетъ моментъ показать на дѣлѣ, что всѣми осмѣянная дѣвушка никоимъ образомъ не потеряла въ нашихъ глазахъ права на уваженіе и предложить ей всю ту защиту, въ которой она нуждается, какъ женщина, какъ молодая мать и какъ ищущая труда.

Въ городахъ же мы встрѣчаемъ во всякое время много паръ, которыя живутъ вмѣстѣ, какъ мужъ и жена, но не вѣнчаются по той или иной причинѣ. Или мы встрѣчаемъ отдѣльныхъ женщинъ, которыя, несмотря на весьма неблагоприятныя экономическія условія, ведутъ борьбу за свободу любви и такъ же мало хотятъ слышать о пожизненномъ принудительномъ бракѣ, какъ и о проституціи. Само собой разумѣется, что социалистъ будетъ относиться къ подобной женщинѣ точно такъ же, какъ мѣщанство считаетъ приличнымъ относиться только къ чистымъ дѣвственницамъ и законнымъ замужнимъ женщинамъ. Потому что не подобаетъ бросать тѣхъ, кого суровая судьба или собственная отвага поставили въ передовые ряды сраженія, куда пули сыплются частымъ градомъ.

Но и эти иногда особенно достойные участія единичные случаи есть только эпизоды. Главнымъ образомъ борьба за свободу любви остается

соціальною масовою боротьбою противъ соціальною масовою несправедливости, причины которой прежде всего экономическаго характера. И борьба можетъ считаться оконченною только тогда, когда съ помощью цѣлаго ряда глубоко захватывающихъ экономическихъ преобразований будетъ достигнуто то, къ чему всѣ наши конечныя цѣли служатъ только средствомъ,— свобода и благосостояніе для всѣхъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Предисловіе ко второму изданію.	3
II. Соціализмъ и бракъ.	5
III. Начала соціализаціи брака	10
VI Коллективистское общество	18
V. Любовь въ коллективистскомъ обществѣ.	29
VI. Реформы настоящаго	40